

ГЛАВА 17.

В отличие от проституции на Западе, отношения тайских девушек с фарангами как бы не имеют вида сделки. Сначала девушка устанавливает контакт, привлекая и хваля мужчину. Затем она предлагает провести ночь, не упоминая о цене. Она все обставляет так, что деньги – это как бы подарок. Когда она остается с ним, то деньги, которые она просит, не считаются оплатой, а компенсацией за то, что она потеряла, не работая это время в баре, или же просто в качестве материальной помощи ее семье. Фаранг не может с уверенностью сказать, занимались ли они любовью, или же он просто оплатил ее услуги. Журнал Cohen называет это «неконкретной проституцией», потому что это влечет за собой сложный микс связей, состоящий из сентиментальной привязанности и материального интереса девочки. Мужчины, которые влюбляются в таких девушек, часто тонут в этой неоднозначности, и не уверены, кто их женщина – подруга или шлюха.

Cohen пишет, что фаранги часто испытывают душевную боль и моральное напряжение, потому что такие встречи приводят к привязанности и эмоциональной вовлеченности.

Зайдя в квартиру, Джек молча сел на диван. Я села с другой стороны, чтобы не выглядеть слишком нетерпеливой в своих желаниях. Он посмотрел на кассетный плеер с оторванной дверцей, и издал шелкающий звук с низкой тональностью:

– Охх.

– Он работает, – сказала я. – Его починили.

Я надеялась, что он предложит оплатить убытки, но знала, что это маловероятно. Я ждала, что он хотя бы принесет извинения, но он не сделал и этого.

Он взял карандаш, листок и нарисовал две коробки со стрелками ведущими вниз. На одной коробке он написал его имя на английском языке, а на другой мое на тайском языке.

– Вот моя жизнь, а вот твоя жизнь, – сказал он. – Сейчас наши жизни отдельные. В будущем, может быть, мы снова встретимся.

9 марта будет мой день рождения. Я уйду с Патпонга, потому что получил работу в офисе. Становлюсь уважаемым.

Он что, делал долгосрочные планы насчет нас? Хотя я и собиралась уехать из Таиланда в следующем году, мне хотелось бы услышать о его глубоких чувствах ко мне. Это был бы бальзам для моей души. Но я также хотела знать и правду о его жене.

– А что по поводу твоей жены? – спросила я.

– Нет, – сказал он. – Прямо сейчас я должен работать на Патпонге, делать деньги для новой жизни.

Нет, что? Нет, он не был женат?

– Тум звонила мне, – сказала я.

Он стал озадаченным.

– Дум!

Я продолжила:

– Дум хорошее имя для нее. Ты знаешь, что оно означает?

– Нет.

– Крушение! Разрушение! Смерть! – сказала я раздраженно.

Мне не нравились эмоции, которые я выражала. Мне не хотелось показаться ему уязвимой.

– Что она говорила?

– Она хотела, чтобы я отвела ее к тебе. Разве она не знает, где ты работаешь?

– Что ты сказала ей?

Он не ответил на мой вопрос.

– Я отказалась. Я сказала ей, что не вижу с тобой больше.

– Она хочет убить меня. Она безумна. Она всегда борется со мной.

Когда я ушел от нее, то спал в баре Stockholm. Однажды она нашла меня там и облила кипятком.

– Кипятком?

Я вспомнила, как он рассказывал мне о своих шрамах на плече, якобы полученных в детстве от кипятка. Это правда сделала Дум?

– Она собирается напасть на меня? – спросила я, обеспокоенная этим.

– Нет. Не волнуйся. Она не знает, как ты выглядишь, – успокоил он меня.

Мне хотелось бы услышать от него, что она наконец-то поняла, что я с Джеком больше не вместе, а не то, что она не знала, как я выгляжу.

– Чем она занимается? Она работает?

– Нет. Ее отец полицейский. Когда я впервые встретился с ней, мне показалось, что она идеальна для меня.

– Сколько времени вы были вместе?

– Шесть лет.

– А что по поводу того дома, который ты рисовал? Кто живет там? Дум?

Он выглядел смущенным.

– Да. Ты слишком умная. Женщина не должна быть настолько умной.

Я не стала вступать с ним в дебаты о том, что женщина не должна быть хуже или лучше своего приятеля. Я уже знала, что в Таиланде не могут нормально относиться к понятию равенства полов. Несколько раз я пыталась объяснить это женщинам Патпонга, но они смотрели на меня, будто я прилетела из космоса.

– Где ты живешь?

– С господином Тарном.

Он нарисовал квартиру на Силом-Роуд, за баром.

– Правда ли, что Дум нашла мою визитку в доме твоей матери?

– Да.

– Почему она была там?

Он нарисовал на листке еще больше линий.

– Этот мой жизненный курс. Прямо сейчас у нас с ней разные пути.

Он до сих пор лгал мне. Я точно это знала.

– Ребенок живет с твоей матерью?

– Да, – сказал он, нарисовав квадрат с подписью «образование» для меня, и квадрат с подписью «работа», видимо, для него.

– А Дум точно знает, что ваш брак закончен? Я не уверена, что она знает об этом.

– Я желаю, чтобы она нашла другого мужчину. Я буду очень счастлив, если она найдет себе нового мужа.

Это казалось правильным, но он не дал мне прямого ответа на мой вопрос.

– Как же ваш ребенок? Его имя Банк, правильно?

– У нее также есть дочь от предыдущего мужа. Дочери десять лет. Я надеюсь, что она скоро найдет нового мужа.

С двумя детьми и без передних зубов, вряд ли она себе вскоре найдет мужа, – подумала я.

– Ее дочь не любит меня, потому что я не ее отец. Именно поэтому я хотел своего собственного ребенка. Мой отец никогда не любил меня. Я хотел иметь кого-то, кто бы любил меня.

Я все еще злилась на него, но мне уже хотелось обнять его. Я не могла это сделать, потому что я чувствовала между нами стену из

его родственников. Я чувствовала себя беззащитной, мне хотелось, чтобы кто-то тоже поддержал меня. Почему-то я решила рассказать ему о своих кредитах на образование.

– Сколько ты должна заплатить? – спросил он.

– Кредиты составляют около семидесяти тысяч.

– Батов?

– Если бы! Доллары.

– Охх, – произнес он с тем же выражением лица, с каким он смотрел мультфильм о Фреде Флинтстоуне. – У меня есть старый долг г-ну Тарну, но это не так много.

– Почему ты позволил Дум войти в мой дом?

– Она пытается убить меня. Вся свою жизнь я страдаю от боли. Этот год неудачный для меня.

Интересно, он сознательно избегал ответов? Мне хотелось слышать от него хорошие слова и поэтому я не давила на него.

– В этом году ты встретил меня. Это тоже к неудаче?

– Нет. Я надеюсь, что с появлением тебя у меня все изменится.

Он пробыл у меня два часа. В целом мы были дружелюбны. Мне нравилось находиться в его компании, несмотря ни на что. Мы даже, немного смущаясь, поцеловались разочек, не сказать, чтобы это было сексуально, скорее более целомудренно. Планы на наше будущее были туманны. Он рассчитывал на что-то через пять месяцев после его дня рождения. А для меня было бы идеально, если бы я в будущем справилась со своими чувствами. Я хотела быть с ним так же сильно, как и без него.

Все же я не понимала, какая связь между Дум и его периодом ожидания. Я задалась вопросом – может, ее отец-полицейский имеет к нему какое-нибудь отношение. Или, может быть, это было связано с работой Джека на Патпонге? Или с его днем рождения? Ведь этот возраст, двадцать пять лет, считался несчастливый. Предполагалось, что нужно подождать более благоприятного времени? Была ли путаница в моей голове результатом непонимания тайской культуры или Джек не мог нормально все объяснить?

Казалось, что я никогда не смогу вытащить из него правильный ответ, но такая проблема у меня была со всеми тайцами.

После того, как Джек ушел, я нашла его забытый бумажник. Там не было денег, только несколько визитных карточек. Я скопировала к себе в файл имена и адреса, которые были на них. Я чувствовала, что он до сих пор врал мне. Если бы он не был таким скрытным,

я бы не стала этого делать, поэтому сейчас не видела причин не воспользоваться этой возможностью.

Также в бумажнике я нашла фото его сына Банка. Я решила положить свою фотографию в кармашек бумажника, это будет такой тест. Если бы у него не было жены или другой подруги, то он хранил бы фотографию там. Настраивала ли я его против Дум? Или создавала для себя новую головную боль?

Когда я делала записи в файл, то заметила, что имя Тарна было записано неправильно. Я спросила себя, может, он промахнулся, думая о Тум? В тайском алфавите буквы «а» и «у» были гласными звуками. Может, он и в самом деле живет с

Тум, а не с г-ном Тарном? Может быть, ошибочки по Фрейду приемлемы и к азиатам?

На следующий день, когда я проходила мимо, Джек попросил свой бумажник обратно. Я отдала его, ничего не говоря про фото.

В этот раз, взяв мою руку, он чересчур нежно держал ее.

– Куда ты сейчас направляешься?

– Поработать.

– Увидимся, когда ты будешь возвращаться.

Я поцеловала его щеку. Между нами было приятное притяжение, и мне нравилось это чувство, несмотря на то, что недалеко от нас находились другие зазывалы, жадно сканирующие всех проходящих туристов.

Я решила навестить Понг. Когда новый швейцар в Pussys Collections сказал мне, что она ушла, то я нашла Онга на Sot Crazy Horse. Он выглядел очумело.

– Понг уехала из Бангкока на прошлой неделе, – сказал ее муж. – Она поехала к семье в пригород, сказав, что больше никогда не будет работать на Патпонге. Она поехала домой, чтобы работать на рисовом поле.

Рисовое поле? Здесь моя гипотеза о том, что девушки предпочитают работать на Патпонге нежели на рисовых полях, разбивалась вдребезги.

– Ты тоже родом из глубинки? – спросила я.

– Нет, я из Бангкока.

Провинциалы, приехавшие на заработки, через какое-то время сливались на улицах Бангкока с местными в одну пеструю массу.

Вручив свою визитку для развода лохов-туристов своему другу, Онг предложил мне пойти за угол в Topless Bar.

– Теперь я свободный человек, – заявил он.

В этом месте он рассказал мне свою историю, которую я уже прежде слышала от многих людей. Он и Понг были вместе всего лишь год, у них не было своих детей. А у Понг было двое детей от предыдущего мужа. Я опять задавала сама себе вопросы, как же разобраться в том, когда люди Патпонга врут мне, а когда говорят правду.

– У тебя нет собственных детей? – спросила я.

– Да, – сказал он по-тайски, подтверждая, что я правильно произношу слова. Я не стала еще что-то говорить, тем более объяснять ему, что Понг была еще той врушкой.

Он пил пиво.

– Мое сердце теперь разбито, – ныл он. – Теперь я боюсь женщин. Я боюсь снова почувствовать боль. Я хочу найти кого-нибудь, кто бы понимал меня.

Он повернул ко мне свое лицо, и пристально уставился на меня. О боже, о чем он только думает?

– Мне нужна верная женщина.

– А я вернулась к своему тайскому другу, – радостно сказала я, но он не слушал.

Пошатываясь, он пытался мне что-то объяснять:

– Я пью из-за своего разбитого сердца.

Он уже опьянел, став плаксивым и сентиментальным.

– Я скучаю по мисс Понг... очень сильно... – проскулил он, потеревав уголки глаз. Затем он посмотрел на меня похотливо и сказал:

– Ты сможешь пойти со мной на следующей неделе на Лои Кратонг*?

Праздник Лои Кратонг был любим всеми тайцами, и напоминал микс из европейского Дня святого Валентина и еврейского Йом Киппур. В этот день тайцы пускают лодочки-корзинки плыть по течению реки, и случай определяет, какие пары будут вместе. Если корзины сблизилась вместе, а не плывут по отдельности, это значит, что пара останется вместе. Ночью в период полнолуния, в двенадцатый лунный месяц, это делали не только пары. Это делал каждый, кто хотел оставить беды и горести в прошлом году. В корзины отправляли все: болезни, проблемы, злодеяния, ошибки, которые отправляли вместе с молитвами. Я помнила, что год назад,

---

*Лои Кратонг – праздник, ежегодно отмечаемый в Таиланде. Приходится на ноябрьское полнолуние. «Лои» означает «плавать», а «кратонг» – крохотный плотик, традиционно изготавливаемый из банановых листьев и украшенный цветами, зажжёнными свечами и ароматизированными палочками.

после этого праздника, лодочки наполнили все каналы, водоемы, фонтаны, бассейны, все места, где была вода.

– Я думаю, что буду со своим другом, – сказала я, хотя не была уверена в этом.

Если мы с Джеком собирались отложить наши сексуальные отношения на какое-то время, то, возможно, у нас ничего и не выйдет в этот день. Но меня это вполне устраивало. Я чувствовала, что у меня есть он, пусть и на безопасном расстоянии.

Я попрощалась с Онгом, и мне не хотелось больше ни с кем встречаться. Я хотела лишь одного – поскорее снова увидеть Джека.

Он встретил меня раньше, чем я успела дойти до его угла.

– Мы идем пить кофе? – спросил он, повернув к KFC, и затем вдруг остановился. – А почему бы нам не пойти в новое место? Макдональдс! Великолепно! Каждый раз, проходя мимо него, я думаю о тебе.

Когда мы переходили улицу, старший брат Джека крикнул ему, чтобы мы принесли ему что-нибудь поесть. Я не любила пересекать эту улицу. Приехав сюда из Нью-Йорка, я не понимала, как можно обходиться без светофоров. Тайцы вели себя как калифорнийцы, они перебежали перед мчащимися машинами в уверенности, что перед ними все остановятся. Новенький Макдональдс был набит битком, Джек сделал мне знак, чтобы я заняла столик, и сказал, что станет в очередь. Пока он стоял, я наблюдала за ним. Он был настоящий денди. Когда он шел с подносом, я заметила, что все тайцы смотрят на нас. Я была единственным фарангом. Я слышала, как фаранги из Бангкока осуждают тайцев за то, что места быстрого питания Патпонга обычно сплошь обшарпанные. Фаранги-резиденты клялись, что их нога никогда не ступит в такие места. Однако для тайца 40 батов за хот-дог – это довольно внушительная сумма, поэтому этот фастфуд считался модным местом.

На подносе был гамбургер для старшего брата и что-то еще.

– Это для тебя, – сказал Джек, вручая это что-то. Это был большой брелок. В прозрачном пакетике была пластиковая картошка фри.

– Это игра, – объяснил он. – Тебе надо поймать в пакетик этот ломтик картошки. Я купил для тебя. Пять батов.

– Спасибо.

Сувенирчик был страшенький, но мне он был дорог, потому что он был от Джека. Я надела брелок на свои ключи и сразу представила, что бы на это сказала моя мама. Увидев меня с брелком с картошкой фри, она бы скривилась, потому что ничего, кроме золота, она не воспринимала. Но, так или иначе, мне он нравился.

– Я никогда не забуду тебя, – сказал он.

– Почему?

– Потому что у меня есть твоё фото.

– Оу, ты нашел его.

Он улыбнулся, и было видно, что это ему понравилось.

– Я думал о твоём банковском кредите, – сказал он. – У тебя есть ручка?

Когда я дала ему ручку, он стал чертить что-то на бумаге. Он думал о моей ссуде? Похоже, он вполне серьезно относился к нашим долгосрочным отношениям.

– Мы оба работаем, – сказал он. – У тебя есть хорошее образование. У меня есть степень в области бизнеса.

Надо же, а я ведь думала, что он выдумал про степень университета Чула.

– Какую работу я могу получить в Америке? – спросил он.

– Ты умный и сообразительный, ты можешь неплохо там зарабатывать, – солгала я.

Я правда считала, что он умный и сообразительный, но у меня были серьезные сомнения насчет того, что он сможет попасть в Америку. От женщин Патпонга я знала, как трудно было для небогатого тайца получить визу в страны Запада, даже туристическую. Для этого нужно иметь определенное количество денег в банке. Фаранг мог сесть на любой самолет и полететь куда угодно, но это было совсем не так для граждан стран третьего мира, которые хотели посетить места, и без того переполненные иммигрантами. Мое сердце болело, думая о разнице в возможностях, которые были у каждого из нас.

Он машинально рисовал самолет. Он, должно быть, действительно думал обо мне.

– Ты когда-нибудь летал на самолете? – спросила я.

– Нет.

Он написал слово «РАБОТА» и подчеркнул его.

– В Америке я должен говорить на очень хорошем английском языке. Я не хочу работать уборщиком на улице.

Мы сидели и разговаривали долгое время. А иногда мы просто смотрели друг на друга.

– Оах, – сказал он, взглянув на время. – Мы сидим здесь уже два часа.

Он пощупал гамбургер.

– Холодный. Старший брат рассердится на меня.

Он поднялся и начал поторапливаться.

– Я не могу пойти к тебе, я потратил много времени и теперь мне нужно работать, – сказал он, когда мы выходили из заведения.

Я задалась вопросом, кто же может следить за часами его работы. Однажды я попыталась узнать, кто организовывал работу зазывал. Их территория и численность казалась ограниченной. От людей с улицы мне не удалось ничего узнать, и я попросила об этом своего соседа, журналиста из Австралии. В то время он занимался редактированием туристического журнала, где размещал рекламу баров-мошенников. Ему сообщили, что все бары-мошенники Пат-понга как-то связаны между собой. Ни он, ни я не понимали, кто же управляет улицами и зазывалами.

В лифте своего дома я нежно щупала обожаемый брелок с картошкой фри. Я посмеивалась, представляя, как моя Мамуля умерла бы, увидев его.

Позже Дадли Дэполито и Сои приехали ко мне за своим багажом, который лежал у меня, пока они были в Чиангмае.

– А куда делась твоя борода? – воскликнула я, увидев бритый облик Дадли.

– Ей не понравилось, и мне пришлось от нее избавиться, – усмехнувшись, сказал он, и обнял Сои.

– Май чауб нуат луб? (Ты не любишь усы?) – спросила я ее.

– Май чауб (не люблю), – ответила она.

У тайских мужчин практически не было волос на лице, и поэтому местные женщины к такому не привыкли.

Нам втроем было весьма непросто общаться вместе. Когда я разговаривала на тайском с Сои, Дадли не понимал нас, и наоборот, когда я общалась с Дадли, Сои ничего не понимала.

– Я вернулась к Джеку, – сказала я Дадли на английском.

На тайском же языке для Сои я сказала, что Дадли видел Джека.

– Что насчет его жены? – спросил меня Дадли.

Я пожала плечами:

– Я не знаю.

Для Сои, я сказала:

– Джек убедил меня, что с его женой все кончено. Как думаешь, он не врет?

– Я думаю, что он любит тебя, – ответила она.

Дадли сказал для Сои на английском:

– Я встретил его на прошлой неделе, на улице. Он отлично выглядел, чувак что надо.

Сои ничего не понимала.

– Лау (красивый), – сказал он ей более громко.

Он знал это слово.

– Лау, очень, очень.

Сои кивнула.

Я удивлялась, как у нас могли быть такие близкие отношения с людьми, которых мы не всегда понимали.

Тем же вечером я опять повстречала Джека. Какое-то время мы просто стояли на шумной улице и держались за руки. Затем он сказал:

– Я купил себе зубную щетку, хочу, чтобы она стояла в твоём доме. Я принесу ее позже.

Я была в восторге:

– О, правда? А я думала, что мы будем ждать твоего дня рождения.

Он улыбнулся, но не ответил. Великолепно. Я действительно не хочу ждать пять месяцев. Но что по поводу Дум? Я все еще не понимала его семейной ситуации. Все, о чем я думала в тот момент – это как бы оказаться с ним в постели.

Я пораньше решила вернуться домой, чтобы выспаться, ведь на следующий день мне нужно было рано вставать. Джек пришел чуть позже четырех утра.

– Это для тебя, – сказал он, вручая мне англо-тайский словарь.

У каждого из нас были слова, которые мы не знали на языке друг друга. Я лелеяла его подарок, и неважно, что в книге уже была чья-то дарственная надпись, подписанная кому-то другому. Затем Джек принес радио в мою спальню и настроил на волну с тайскими песнями о любви. О нет, он снова собирается петь?

Я сделала звук потише.

– Я не хочу тревожить соседей, – сказала я.

Я заметила, что некоторые тайцы не знают, как жить в квартирах. Мой сосед из Австралии боролся с соседкой-тайкой, которая жила над ним. Она любила потолок перчики чили прямо на полу, так же, как она делала это у себя во дворе в деревне.

– Расскажи мне о твоей семье, – сказала я, когда мы обнаженные лежали в постели.

Я любила чувствовать его кожу. Мне нравилось гладить его спину.

– Я был маленький, отец очень плохо обращался со мной. Он все время играл в азартные игры. Я должен был все делать сам. У меня никогда не было денег, и отец часто бил меня.

Телесное наказание было нормой для тайских семей. Учителям даже разрешалось поднимать руку на учеников.

– А что твоя мать?

– Мать, крупная и темнокожая. Отец маленький.

– Ты хочешь пойти вместе со мной на праздник Лои Кратонг, на следующей неделе? – спросила я.

– Окей.

Мне не понравился его ответ. Показалось, будто он согласился без энтузиазма. Я напомнила сама себе, что не понимаю некоторые тайские нюансы.

– Затем мы можем навестить мою мать, – сказал он.

Меня это взволновало. Мы бы не только показали вместе на празднике Лои Кратонг, он хотел также, чтобы я познакомилась с его мамой.

Это, должно быть, имело для него особое значение. Кроме того, теперь он навряд ли мог меня ограбить, ведь я буду знать, где живет его мама.

– Мы любим друг друга, – сказал он. – Я больше не буду спать с другой женщиной.

Затем он спросил:

– Как ты будешь чувствовать себя, если я пересплю с проституткой?

Я похолодела внутри и призадумалась, вспоминая, что ведь это было частью его работы. Иногда клиенты оплачивают ему проститутку в массажном салоне.

После паузы он добавил:

– Ведь это лучше, чем с другой подругой. Правильно? Нет?

Он спал весь день. Когда он, наконец, проснулся поздно днем, он позвонил узнать, готовы ли визитные карточки, которые он заказал для г-на Тарна. Я слушала, как он говорит на тайском языке, и обратила внимание на его выговор. На уроках в А.У.А. учитель говорил нам никогда не использовать такое произношение, иначе люди будут смеяться. Тайцы были разборчивы в своих статусах. Их общество было жестко разделено на классы в противоположность американской идеологии, где все люди были равны. Здесь каждый человек имеет приписанное за ним положение под королевской семьей.

Джек принес тайский суп из пакета, который он приготовил.

– Мне необходимо поесть. Я могу сделать и для тебя тоже. Будешь есть тайскую еду, станешь тайцем.

Я рассказала ему о том праздничном ужине, который купила для него тогда, и выбросила в мусор. До сих пор было больно вспоминать, и он, конечно же, был ошеломлен, узнав, что кто-то мог

просто так выбросить еду. Он не чувствовал себя виноватым, считая, что я просто расстроилась из-за материального ущерба, и не собиравшись извиняться. Он налил суп в одну миску для нас двоих, в тайском стиле.

– Держи вот это, – сказала я и достала еще одну миску. – Я еще не тайка. Мне нужна своя тарелка. Это слишком неудобно – тянуться так далеко за супом.

Когда мы смотрели мультфильм «Флинстоуны», я заметила, какие предметы были в доме главного героя: стиральная машина, тостер, газонокосилка и пр. Я почувствовала, что Джек сравнивает это с тем, что было у него дома в детстве. Затем мы посмотрели китайскую мыльную оперу, дублированную на тайский.

Он оделся, и перед тем как уйти, я заметила, что он погрузился. Он пожаловался на то, что у него никогда не было выходного.

– Фред Флинстоун из мультика, у него есть выходной? – спросил он.

– Суббота и воскресенье. Но когда ты начнешь работать в офисе, то у тебя тоже будут выходные, верно?

Он кивнул, но все равно выглядел недовольным тем, что нужно было идти работать.

На самом деле я сомневалась, что у него когда-либо будет офисная работа. Поскольку Таиланд был развивающейся страной, в ней не хватало рабочих мест для студентов университетов, выпускаемых каждый год. Не было даже достаточно колледжей для всех желающих учиться. Чтобы попасть в колледж, нужно было быть очень конкурентоспособным. Это могли позволить люди только элитных классов, и я сомневалась, что Джек был таким. Даже если бы Джек имел степень бакалавра и смог бы получить офисную работу, то он зарабатывал бы мало. Так же как женщины, которые работали на Патпонге, мужчины тоже считали это место более подходящим для формирования своего финансового фундамента.

Тем вечером я никуда не выходила. Мне было слишком хорошо и спокойно, чтобы куда-то двигаться.

Следующим утром мне надо было встретиться с Хой, чтобы пойти с ней в кино. Когда я вошла к ним в квартиру, то увидела, что Хой и Алекс сидят на полу и играют в карты. У Алекса появилась работа, и теперь он преподавал английский язык, получая за час 100 батов.

– Вчера я впервые поработал, – сказал он. – Я НЕНАВИЖУ это. Сегодня я заработал 100 батов, и отдал Хой. Она потратила 120.

Хой была одета в рубашку Алекса, его джинсы, и на ней был его ремень.

– Мне нужен мой ремень, – обратился он к ней.

Она проигнорировала его. Он повторил это четыре раза. Она продолжала его игнорировать. Затем она взяла и его часы.

– Часы мне нужны для работы, – сказал он. – Как я без них узнаю, что час уже прошел? Она снова никак на это не ответила. Он снова сказал ей несколько раз. Затем Алекс посмотрел на меня и пожал плечами, как будто говоря – и что с них взять, с этих девчонок из провинции?

Женщины Патпонга любили прогибать мужчин-фарангов своей волей. Они использовали свою сексуальность и экзотичность, заставляя их прийти к компромиссу. Мужчин это нисколько не беспокоило и даже приводило в восторг, ведь незначительные обиды и капризы не задевали их самооценку.

Алекс указал на книжную полку.

– Я купил эти тайские книги для Хой. Ты ведь читала их? – спросил он ее.

В это время Хой расчесывала волосы перед зеркалом и ничего не ответила, что означало, что ответ был «нет». Я увидела одну книгу по географии, а другую по математике.

– Ну, по крайней мере, ее английский становится лучше, – продолжил Алекс. – В один прекрасный день она сможет получить личную работу, может, в туристическом агентстве, или в отеле на ресепшн.

Общение на английском было важным аспектом коммуникации в Бангкоке.

Когда мы с Хой пошли в кино, она так и пошла в его пояс и часах.

Я спросила ее, как она собирается получить работу, ведь Алекс заикался об этом – что она должна присоединиться к нему, и они вместе начнут зарабатывать на жизнь.

Для нее мой вопрос прозвучал как неуместный сюрприз.

– Работа? Какая такая работа?

Она надула губы и покачала головой. Затем она что-то пробормотала о невозможности найти дневную работу.

– Алекс работает и думает что это хорошо, но у него нет толком денег. Только 2 000 батов в месяц. На Патпонге я зарабатывала 2 000 батов за ночь.

У Хой было только пять классов образования, и я знала, что ей будет трудно найти работу в Бангкоке.

– Алекс хочет, чтобы я работала продавцом в универмаге.

– Ты пойдешь туда работать?

Она сделала такое лицо, будто поблизости чем-то воняло.

– Ты б наверное лучше вернулась в бар Riffi, правильно?

Она улыбнулась на это. Затем сказала:

– Алекс не позволит мне.

Я рассказала Хой о Джеке, но не хотела много о нем говорить. Мне хотелось поговорить только о самом важном, а не превращаться в Нок, которая только и болтала без умолку о Муне.

– Что вы с Алексом делаете в праздник Лои Кратонг? – спросила я.

Она нахмурилась и опустила взгляд.

– Ты помнишь друга Алекса с воскресного маркета? Он еще брал нас с тобой в китайский квартал?

Я кивнула, помня о том случае, когда Хой расстроилась из-за того, что он и его подруга пренебрежительно обходились с ней.

– Он устраивает вечеринку и приглашает Алекса, но без меня. Он говорит, что у него нет свободного пространства для меня. Это неправда. Он не хочет видеть меня. Он просто не любит меня. Он не хочет видеть у себя девочку с Патпонга.

Она выглядела уязвленной.

– Что будешь делать?

– Я останусь дома. Алекс пойдет один.

Мне было грустно за нее, и я сказала:

– Может быть, тогда вы с Алексом и мы с Джеком пойдем все вместе на праздник?

– Да? – с воодушевлением произнесла она.

– Я, правда, до конца еще не уверена, что мы пойдем. Мы хотим навестить его мать. Я тебе сообщу.

– Джек просил у тебя денег? – вдруг спросила она.

– Нет! Я не даю деньги мужчине.

Что такое она думает о наших отношениях?

Позже я размышляла, как пойти на праздник всем вместе. В целом эта идея была замечательной, но я также помнила, какой порочной могла быть Хой. Ее ревность заставила сделать плохой поступок и рассказать Шломо про Сумали, о том, как та тайно встречалась с другом. Была вероятность, что она могла сделать что-нибудь подобное против меня и Джека. Я даже не хотела спрашивать ее, что она думает про те 500 батов, что я дала Джеку. А что, если он вдруг упомянет про те 500 батов, которые он так и не вернул? Нет, с Джеком я чувствовала себя слишком неуверенно, поэтому не хотела общаться на щекотливые темы с Хой. Я должна была отказаться от этой идеи с Хой. Позвоню ей позже и извинюсь о невозможности нашей совместной прогулки.

Той ночью я не увидела Джека на Патпонге-3, но нашла его в дверном проеме дома на Силом, там он разговаривал с коротконогим тощим мужчиной. Джек представил его как господина Тарна, а меня как свою подругу.

Я заметила, что они находились там, где, по словам Джека, жил Тарн. Это обнадеживало. Возможно, он не лгал.

– Мы идем в Макдональдс? – спросил он нас. Мы согласились. В то время как Джек стоял в очереди, покупая нам кофе, я и господин Тарн сидели за столиком.

Джек как-то сказал мне, что Тарн работал барменом в Сои Тания. Он был японцем, и та улица, что рядом с Патпонгом-3, была как Патпонг, но только строго для японцев.

Политика этой улицы была «только для членов японского клуба», и не допускала никаких других национальностей. Как-то я слышала о новом бизнесе, который организовывал господин Тарн, в котором Джек будет менеджером. Я не была на сто процентов уверена, что знаю, какой работой на самом деле занимается Тарн, но отношения между ним и Джеком выглядели как «шеф – клиент». В структуре тайского общества «клиенты» присоединились к влиятельным «шефам». Так осуществлялось их полезное взаимодействие. Из того, как Джек говорил о господине Тарне, я знала, что он должен был быть влиятельным человеком, но отсутствие передних зубов говорило о том, что он был не очень-то богат. У многих тайцев не было передних зубов, потому что они были не в состоянии оплатить работу дантиста. Проблемы с зубами были результатом удаления зубов, как и у Дум. Тарн не очень-то был похож на японца. Мне, как и многим фарангам, было довольно трудно различить одного узкоглазого азиата от другого, особенно в Бангкоке, где жило так много китайцев.

– Я хочу пригласить вас с Джеком на мою вечеринку в честь праздника Лои Кратонг, – сказал Тарн. – Я арендую лодку, и мы поедem в путешествие по реке Чао Прайя.

Он не мог быть бедным, если имел возможность арендовать лодку.

Когда пришел Джек с подносом, мое сердце оборвалось – он дал Тарну брелок с картошкой фри. Похоже, Джек был очень сентиментальным, и ему явно этого не хватало. Его лицо засияло, когда господин Тарн предложил ему пати на лодке. Джека удостоили чести, пригласив присоединиться к мероприятию господина Тарна. Что насчет меня, так я лучше бы потратила это время наедине с Джеком. Это был бы наш первый пикник.